

«Нордическая идея — это выражение мировоззрения, для которого возвышение человека является божественной заповедью».

Ганс Ф. К. Гюнтер

«Сегодня каждое явное подчеркивание нордической точки зрения приносит выгоду».

Ойген Фишер

Даже люди, не знакомые с расовой теорией, имеют представление о том, что обозначает понятие нордическая раса. Высокие статные голубоглазые и светловолосые красавцы с древнегреческого Олимпа и из скандинавских саг возникают в нашем воображении сами собой, стоит лишь произнести это магическое словосочетание, будто само собою источающее солнечную энергию, неземное величие и сверхчеловеческую силу.

Пресыщенные осознанием собственного величия древнеримские патриции, своевольные германские рыцари, русские былинные чудо-богатыри и грациозные, «будто лебедь

белая», русские сказочные красавицы, а также точно с вырезанными из слоновой кости лицами офицеры СС и, наконец, сдержанные английские джентльмены — все это обилие исторических персонажей различных эпох и народов, тем не менее, в первую очередь характеризуется именно термином нордический, обозначающим совокупность физических и духовных характеристик людей, ведущих происхождение с единой северной прародины.

Но это ассоциации, если же перейти к фактам, то картина вырисовывается совершенно парадоксальная. Кажется, что в слове «нордический» кроется нечто хитроумное, иностранное, от диковинной и не понятной русскому человеку расовой теории. Такова сегодня доминирующая точка зрения на данный вопрос, причем не только в России, но и за рубежом.

Ведущие расовые теоретики современности также считают определение нордическая раса неотъемлемой частью науки, ее привычной и устоявшейся научной категорией, но очень мало кто знает, что человек, который впервые предложил это понятие для обозначения определенной антропологической общности, родился в Астрахани.

Русский расовый теоретик Иосиф Егорович Деникер (1852—1918) происходил от французских родителей (поэтому правильное ударение на последний слог), но, будучи крещеным в православие, на что указывает русское отчество, по законам Российской империи автоматически считался русским подданным. Именно как русский ученый он числится в словаре Брокгауза и Ефрона, а также в Большой Советской энциклопедии 1955 года издания, признававшей, что «классификация рас Деникера не устарела до сих пор». Ссылки на его основную работу 1900 года «Человеческие расы» можно без труда встретить во многих советских академических работах по антропологии. Один из ведущих расовых теоретиков Веймарской Германии, а затем и Третьего Рейха Ганс Ф. К. Гюнтер в своей фундаментальной работе «Нордическое мировоззрение» открыто указывал, что название базовой части немецкой расовой доктрины «впервые ввел русский расовый теоретик Деникер». Другой крупный немецкий авторитет в означенной области Вальтер Шейдт свою книгу по систематизации терминологии назвал «История антропологии от Линнея до Деникера». Никаких сведений о том, что он имел проблемы с политическими ведомствами Рейха из-за упоминания русского антрополога в названии книги, не имеется.

Австрийский расовый специалист Эрих Фегелин в своей книге «Раса и государство» ясно писал, что термин «нордическая раса впервые введен Деникером». Примеры из германоязычной литературы можно приводить и далее. В «демократической» части тогдашнего мира вклад русского ученого также безоговорочно признавался. Американец Отто Клинеберг в своей монографии «Расовые различия» свидетельствовал: «Никто еще не смог до Деникера создать такую расовую классификацию, в которой бы использовалась комбинация признаков, таких, как структура волос, цвет кожи, цвет глаз, форма носа и другие, что позволило сократить количество известных рас до семнадцати, и двадцати одной подрасы, в то время как предыдущие исследователи, основываясь на классификации по отдельным признакам, называли различное их число от трех до трехсот».

Поразительно, но факт остается фактом, русский исследователь французского происхождения сумел добиться всеобщего неоспоримого признания своего научного вклада в самую политизированную науку XX века. Его признали даже в Советской России, хотя он принадлежал к иностранцам по происхождению и к так называемым старым царским специалистам, и в Германии Гитлера, несмотря на то, что он олицетворял собой ненавистный образ «азиатских орд большевиков», да еще в самой главной части государственного культа. В «свободном англо-саксонском мире» он также снискал уважение и популярность, невзирая на то, что там не любят слишком часто произносить французские имена и с опаской относятся к русским.

Для того, чтобы лучше понять суть новаторства Деникера, рассмотрим вкратце историю развития понятийной базы расовой теории, ибо без корректной методологии и терминологии ни одна наука существовать не может. Однако все пояснения будем давать с учетом расовых и географических региональных ограничений, заявленных в названии нашего эссе. Кроме того, мы считаем также необходимым оговориться, что историю развития расовой систематизации здесь и далее будем приводить по методике Вальтера Шейдта с некоторыми авторскими дополнениями, в связи с тем, что советские классификации и соответствующие им рубрикаторы, разработанные Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, не выдерживают никакой критики — этот апофеоз безграмотности и политической ангажированности, к сожалению, преподавался у нас в стране как эталон «передовой науки» нескольким поколениям антропологов.

Французский этнограф Франсуа Бернье в 1672 году впервые в Европе ввел в обиход термин раса, который поначалу имел еще совершенно этнографический смысл. Однако, представители англосаксонской научной школы предпочитают до сих пор закреплять первенство в этой области за собой, определяя дату авторства самым концом XVII века.

Немецкий философ Готтфрид Вильгельм Лейбниц в 1700 году вводит понятие европеоидной расы, а англичанин Джеймс Бредли в 1721 году для обозначения биологической общности коренного населения Старого Света применяет его более упрощенный и компактный вариант — европеоиды.

Гениальный шведский естествоиспытатель Карл Линней в 1735 году первым применяет термины *homo europaeus* (человек европейский) и *homo albus* (человек белый), а в 1746 году создает первую расовую классификацию, основанную на психосоматических и физиологических признаках. Выглядит она так.

I. *Americanus rufus* — американец. Рыжеволос, холерик, держится прямо, упорен, самодоволен, подчиняется традиции.

II. *Europaeus albus* — европеец. Блондин, сангвиник, мускулист, подвижен, остроумен, изобретателен, подчиняется закону.

III. *Asiaticus luridus* — азиат. Желтолиц, меланхолик, гибок, жесток, скуп, любит роскошь, одевается в широкие одежды, подчиняется мнению общества.

IV. *Afer niger* — африканец. Черного цвета, флегматичен, вялого телосложения, хитер, равнодушен, малоподвижен, умащен жирами, подчиняется произволу.

Жорж Бюффон в 1749 году настаивает на принятии определения европейской расы, а Джон Хантер и Иммануил Кант в 1775 году одновременно в Англии и в Германии вводят понятие белой расы.

Крупный немецкий ученый Иоганн Фридрих Блюменбах в 1776 впервые в интересах классификации использует краниометрические исследования черепов различных этнических групп, в связи с чем приходит к выводу о правомерности использования более широкого определения того же антропологического типа — кавказская раса.

Француз Жорж Кювье в 1800 году в качестве основы расовой классификации использует цвет кожи, поэтому называет европейскую расу — лейкодермной, однако его соотечественник Жан Батист Ламарк в 1809 вновь отдает предпочтение названию кавказская раса.

Знаменитые немецкие романтики Август Вильгельм и Фридрих Шлегели в начале XIX века на основе лингвистических изысканий вводят понятие индогерманцы, которое многими их последователями совершенно ошибочно переносится и в область антропологии. Английский филолог Макс Мюллер в 60-х годах XIX первым вводит понятие арии, основываясь на данных сравнительного языкознания и сравнительного религиоведения. Увы, поначалу он вновь повторяет ту же ошибку, смешивая языковое и культурное родство с расовыми признаками. Французский историк Эрнест Ренан в это же время для выявления большей содержательности и контрастности определения ариев выводит их вечных исторических антагонистов — семитов.

Но начало создания классической расовой теории в 1853—1855 годах принято связывать именно с именем графа Жозефа Артюра де Гобино. Он одним из первых начал выделять внутри единой белой расы прототип высоко-рослой долихоцефальной (длинноголовой), голубоглазой расы. Его современник Густав Фридрих Клемм в 1842—1852 годах подразделил человечество на активные и пассивные расы, и среди первых выделил более светлую и более темную расы.

Известные немецкие расовые теоретики Людвиг Вольтман и Хаустон Стюарт Чемберлен на рубеже XIX и XX веков для определения северного расового типа использовали термин германцы, вновь перенеся этническую и языковую характеристики на расовые признаки. Увы, их авторитет все слишком запутал, создав в дальнейшем неоправданные идеологические перекосы в расовой теории.

Правда, еще в 1884 году немецкий языковед и историк Отто Шрадер внес некоторые антропологические коррективы в определение термина: «Арийская раса первоначально соответствовала белокурым северным расам, среди которых развились арийский язык и культура, привившиеся при переселении и скрещивании другим, не-арийским расам». Крупнейшие расовые теоретики этого же периода Отто Аммон и Жорж Ваше де Лапуж вновь предпочли вернуться к апробированному термину Линнея homo europaeus, но используя его как антропологический синоним термина арийцы. Оба во всех своих работах вслед за Гобино выделяли длинноголовых и высокорослых, голубоглазых блондинов в качестве основы белой расы, или иначе — ее расового ядра.

В 1870 году английский антрополог Томас Генри Гексли в целях большей ясности выделил в европеоидной расе более светлую ксантохроидную расу (*xanthochroide race*) и более темную меланохроидную расу (*melanochroide race*).

В разное время другие антропологи и естествоиспытатели создавали свои расовые классификации, уделяя должное внимание физической неоднородности населения Европы: Августин Тьерри (1817), Этьен Жоффруа Сент-Илер (1818), Бори де Сен-Винсан (1827), Амедей Тьерри (1828), Джеймс Причард (1836), Андерс Ретциус (1842), Роберт Нокс (1850), Чарльз Дарвин (1859), Поль Брока (1860), Исидор Жоффруа Сент-Илер (1870), Томас Генри Гексли (1870), Поль Топинар (1878).

С географической привязкой прародины ариев также поначалу не было никакой ясности, и отчасти по вине историков и лингвистов.

Этнограф Омалиус д'Аллау и антрополог Поль Брока первыми восстали против лингвистической концепции происхождения ариев, созданной Максом Мюллером и другими ориенталистами, которые полагали, что их прародиной является Азия. Отто Шрадер в 1890 году «поселил» предков арийцев на юге России, Исаак Тейлор в 1906 году оппонировал ему, заявляя, что нашими предками была «кельтская раса из центральной Европы». Талантливый немецкий антрополог Карл Пенка в 1883 году в своей книге «Происхождение ариев» доказывал, что их прародина находилась в Скандинавии: «Чистокровные арии представлены только северными германцами и скандинавами — самой плод-витой расой, наделенной крупным телосложением, большой мускульной силой, энергией и храбростью. Блестящие природные дарования этой расы позволили покорить немощные расы Востока, Юга и Запада, и навязать свой язык этим народам». Таким образом Карл Пенка первым указал на несоответствие антропологических фактов доводам лингвистов, позже его поддержал другой известный антрополог — Людвиг Вильзер. В англоязычном научном мире на это веяние в сторону «нордизации» арийской прародины сразу же откликнулись Джон Рис (1886), который предположил, что арийцы могли происходить откуда-то из пределов арктического круга, в частности с севера Финляндии, а также Джеральд Х. Рендалл (1889), который дал арийцам следующее определение: «Долихокефалическая раса блондинов, происходящая с Балтийского побережья. Ариец представляет собой тип разумного человека — основной продукт рас, в котором особые качества тьмы и света, Севера и Юга, эмоциональности и практицизма смешались и соединились в высшие и переходные состояния разума и тела».

Однако подлинную сенсацию в Европе произвела книга индийского брахмана Бала Гандахара Тилака «Арктическая родина в Ведах» (1903), где он, основываясь на энциклопедическом знании Священных Вед, доказал, что арийская раса могла вести свое происхождение только с Севера. Несколько позже сходные данные были получены и на основе другой священной книги ариев «Авесты». Таким образом, обе живые древнейшие арийские традиции, индуизм и зороастризм, свидетельствовали в пользу одной и той же теории, чем многократно и увеличивали ее достоверность.

Одновременно с этим получала дальнейшее развитие эволюционная теория Чарльза Дарвина, а в 1900 году были вторично открыты законы наследственности Грегора Менделя, в связи с чем понятие «расовой чистоты» было доказано на генетическом уровне. В том же году впервые было выдвинуто биологическое обоснование существования различных групп крови, а несколькими годами ранее была завершена титаническая работа Немецкого антропологического общества, которое под руководством Рудольфа Вирхова исследовало черепа современных европейцев в сравнении с ископаемым материалом, собранным палеоантропологами. Концепция нордической прародины ариев была подтверждена. Томас Морган и Август Вейсман в это же время создали «теорию зародышевой плазмы». И в 1900 году фирма Круппа, прекрасно чувствуя конъюнктуру, объявила конкурс научных работ о влиянии теории Дарвина на внутреннюю политику и законодательство государств.

Именно в данное время расовая теория и сформировалась как отдельное направление науки с именами, достижениями и титулами. И опять же в 1900 году на французском языке появилась большая сводная работа И. Е. Деникера «Человеческие расы», в которой впервые в научной практике был применен новый синтетический принцип расовой классификации. «Что касается классификации рас, то для нее принимаются в расчет одни только физические признаки. Путем антропологического анализа каждой из этнических групп, мы попытаемся определить расы, входящие в ее состав. Затем, сравнивая расы друг с другом, будем соединять расы, обладающие наибольшим числом сходных признаков, и отделять их от рас, обнаруживающих наибольшие с ними различия».

Под расой Деникер четко понимал «соматологическую единицу», и со всяким идеализмом в антропологии таким образом было покончено. Вся книга по сути и посвящена отделению друг от друга этнографии и антропологии, которые автором определяются как явления различного порядка: первое — социологического, и второе — биологического. Он пишет: «Несколько лет тому назад я предложил классификацию человеческих рас, основанную единственно лишь на физических признаках (цвете кожи, качестве волос, росте, форме головы, носа и т. д.)».

Деникер по сути первым встал на позиции жесткого и последовательного биологического детерминизма в расовой философии. По его мнению, окружающая среда бессильна перед расовыми признаками. Он пишет: «Расовые признаки сохраняются с замечательным упорством, невзирая на смешение рас и на изменения, обусловленные цивилизацией, утратой прежнего языка и т. д. Меняется лишь отношение, в котором та или иная раса входит в состав данной этнической группы».

Обобщая весь накопленный опыт предыдущих исследователей, Деникер ставит точку в споре об арийцах, вводя новый термин, принципиально не имеющей ничего общего с романтическими концепциями лингвистов: «Длинно-головую, очень рослую, светловолосую расу можно назвать нордической, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76—79); кожа розовато-белая; лицо — удлиненное, нос — выдающийся прямой». Терминологическая путаница в расовой теории закончилась, термин арийцы плавно отошел в сферу культурологии, социологии и религиоведения: «Не может быть и речи об арийской расе, а позволительно говорить только о семье арийских языков и, пожалуй, о первобытной арийской цивилизации».

Работа «Человеческие расы» появилась в 1900 году, но была обобщающей, сам термин нордическая раса был введен в употребление годом ранее. Несколько позже ведущий расовый теоретик Германии Ганс Ф. К. Гюнтер, всегда стоявший на позициях нордической философии, в своей книге «Расовые элементы в истории Европы» давал пояснение в том же духе: «В филологии раньше словом «арийский» обозначали индоевропейские языки; сегодня этот термин обычно используется лишь применительно к индоиранской ветви этой языковой семьи. В начале расовых исследований иногда называли (не существующую) белую или кавказскую расу арийской; позже арийцами стали называть народы, говорящие на индоевропейских языках, и, наконец, нордическую расу. Сегодня термин «арийский» вышел из научного употребления и использовать его не рекомендуется, особенно с тех пор, как он стал ходовым среди профанов в порядке противопоставления «сеμίтам». Но от термина «семи-ты» антропология тоже отказалась, так как на семитских языках говорят народы самого различного расового происхождения».

Однако пусть русский читатель не удивляется, что эта информация, хорошо освоенная в кругах европейских интеллектуалов, столь слабо представлена у нас. Русский писатель и социолог Яков Александрович Новиков (1850—1912), автор десятков популярных

изданий по расовым и этническим проблемам, также предпочел писать по-французски, ибо русская интеллигенция, погруженная в мечты об идеалах в духе чеховской «Чайки», к расовой теории оказалась совершенно невосприимчивой, за что и поплатилась 1917-м годом. Увы, но факт остается фактом, сегодня Иосиф Егорович Деникер и Яков Александрович Новиков составляют золотой фонд расовой теории на французском языке и совершенно не известны у себя на родине.

Английский исследователь сэр Артур Кит в 1912 году заявил, что «политическая концепция расы должна быть принципиально понята с биологической точки зрения». Нордическая теория начинает набирать обороты, и все увереннее вырабатывается точка зрения, что внешние отличительные признаки нордической расы являются результатом ее биологических отличий от других рас.

Увлечение пресловутыми «обмерами черепов» начинает отходить на второй план и возникает биохимическая концепция расы. Теоретически она создается на основе многочисленных обобщений практических работ таких ученых, как Луис Берман (1925), Лоуренс Хесбрук Снайдер (1926), Гилберт Джозеф Рич (1928), Вильгельм Круз (1929), Геррит Смит Миллер (1930), Генри Эттер Стар (1931), Рей Грэхем Хоскинс (1933), Лиланд Вайман (1935) и Вильям Бойд (1935).

В Германии наибольшего успеха в данной области добился биолог Отто Рехе, из его многочисленных работ, посвященных расовой идентификации на основе групп крови, явственно следовало, что именно первая и вторая группы крови внутри белой расы являются преимущественно нордическими. Причем процент первой группы крови всегда закономерно увеличивается в сторону так называемого расового ядра, в котором расовые признаки выражены с наибольшей неповторимостью и отчетливостью.

Американские биологи Л. Вайман и В. Бойд поэтому справедливо отметили, что «группы крови существуют дольше, чем современные расы». Их соотечественник Отто Клинеберг в этой связи отмечал: «Проблема расовой дифференциации основывается прежде всего на внутреннем обмене веществ, который в свою очередь является базисом, от которого зависят психические и ментальные характеристики личности. Клинические наблюдения со всей ясностью показали степень влияния факторов эндокринной системы на человеческую индивидуальность, что дает возможность использовать психические характеристики в целях расовой классификации, а в целом позволяет говорить уже об открытии научной расовой психологии». Г. Э. Стар и Д. Рич также указывали: «Компоненты человеческой крови, такие как гемоглобин, креатинин, фосфаты, сахар, кальций и многие другие, проливают свет на биохимическую основу

человеческой индивидуальности. Основные расовые группы четко дифференцируются по составу этих элементов».

Немецкие классики расовой гигиены Эрвин Баур, Ойген Фишер и Фриц Ленц в своей совместной базовой работе «Учение о человеческой наследственности» (1936) также подчеркивали: «Расовые различия в основном зависят от различий внутренней секреции. Конституция тела, интеллектуальные и психические характеристики и прочие расовые особенности детерминированы ими».

Таким образом расовая психология получила мощный импульс к развитию. Одновременно с этим, некоторые исследователи на основе простейших наблюдений начали приходить к выводу, что внешние расовые признаки напрямую связаны с психическими и интеллектуальными способностями. Хэвлок Эллис еще в 1904 году установил связь цвета кожи и коэффициента интеллекта, чем дал новые подтверждения в пользу биологического превосходства нордической расы. Исследовав Национальную портретную галерею в Лондоне, он обнаружил, что большинство великих людей были блондинами.

Катерина Блэкфорд в 1914 г. в своих эссе по расовой психологии характеризовала блондинов такими позитивными качествами, как динамичность, активность, инициативность, а брюнетов негативными — статичность, вялость, безынициативность, консервативность.

Далее ученые Дональд Патерсон (1922), Раймонд Пирл (1924), Эвелин Хантингтон (1924), Джордж Эстабрукс (1928), Катерина Ева Ладгейт (1930) провели многочисленные исследования расовых групп на основе коэффициентов интеллекта (IQ) и пришли к однозначному выводу, что блондины статистически обладают более высоким IQ по сравнению с брюнетами, а голубоглазые точно так же стабильно превосходят кареглазых.

Жорж Ваше де Лапуж в своей книге «Ариец и его социальная роль» (1895), не зная еще ничего о будущих исследованиях, провидчески писал: «Длинно-головые блондины исполняют функции мозга и нервов в общественном организме, а короткоголовые брюнеты и их метисы играют роль мышц и костей».

Министр сельского хозяйства Третьего Рейха Рихард Вальтер Даррэ в книге «Свинья как критерий у нордических народов и семитов» (1933) развил оригинальную концепцию о биологической взаимосвязи тотемных животных с расовыми характеристиками поклоняющихся им народов. Используя древнегерманскую и античную мифологию, он приходит к выводу о том, что свинья всегда сопутствовала нордическим оседлым народам, именно поэтому южные кочевые семиты и турки ее недолюбливают. Ритуальное запрещение вкушать свинину у этих народов является генетической памятью об ущербе кочевых южан по сравнению с оседлыми северянами. Он пишет: «Речь идет о взаимосвязи определенных народов или человеческих рас, с одной стороны, и определенных пород домашних животных, с другой». Свинья — это символ нордической оседлости, ее главный биологический указатель, именно за это иудаизм и ислам так ненавидят ее, ибо это ненависть, возведенная в ранг религиозного абсолюта. Причем ненависть, лучше всего проливающая свет на собственное биологическое происхождение.

Далее Рихард Вальтер Даррэ в своей книге приступает к рассмотрению весьма важного вопроса, которому до этого не уделялось должного внимания. «Расовая теория до сих пор не занималась такой проблемой, как питание и раса, зато в животноводстве известна взаимосвязь между питанием и породой; так как одинаковые реакции обмена веществ у разных пород домашних животных протекают по-разному. Белок в пище имеет разную «ценность»... В процессе пищеварения белок разлагается на аминокислоты и затем снова синтезируется в специфический для данного организма белок. Управляют обменом веществ протеины. Протеины всегда специфичны, поэтому протеины пищи и переваривающего ее организма должны быть совместимыми, подходить, как ключ к замку... Поэтому получается, что семиты и свиньи — это физиологические антиподы».

Правильная жизнедеятельность организма зависит от гармоничного обмена веществ, по мнению Дарре, ввиду этого представителям разных рас необходимы различные по биохимическому составу продукты питания.

Свинья, таким образом, это древнейший биогенетический индикатор расового отличия оседлых народов от представителей кочевых.

Свои утверждения Дарре подкрепляет и анализом сортов хлеба, которые предпочитают различные расовые группы, для чего удачно цитирует путевые заметки Гете, пересекавшего границы романского и германского миров. Гениальный классик немецкой литературы подметил, что на Юге Европы видел «черных девушек и белый хлеб», а на Севере — «белых девушек и черный хлеб». Из чего следует закономерное

умозаключение, что не только домашние животные, но и злаки, употребляемые человеком в пищу, проливают свет на расовые различия. Исследуя тончайшие нюансы физиологии питания, географию сельского хозяйства, автор говорит уже о расовой экологии и делает вывод: «Прародина нордической расы — лесная зона Северной Европы с умеренным климатом».

После биохимической основы расовых различий, в свете нашей темы будет правомерно перейти к рассмотрению исходных утверждений расовой психологии, для чего и обратимся к классической работе Людвиг Фердинанда Клаусса «Нордическая душа» (1939).

Он писал: «С точки зрения психологии под расой мы понимаем не хаотический набор «свойств» или «признаков», а общий стиль переживания, определяющий цельность характера... Расовая психология призвана определить те границы, которые ни один народ не может нарушать или открывать без разрушительных последствий для себя. Если нордическое переживание «центробежно», то восточное можно было бы назвать «центростремительным». Внешняя «холодность» нордического человека объясняется его стремлением сохранить дистанцию между собой и окружающим миром. Способность «объективировать» мир — нордическая способность».

Клаусс показывает нам, что расовые различия накладывают неизгладимые отпечатки на всю специфику переживаний, ландшафт же местности только усиливает генетическую данность. «Местность — это материал, который душа преобразует в своем стиле и превращает в ландшафт... Но не всякая местность дает одинаковые возможности для такого преобразования... Северное море — это бесконечные дали, а на Средиземном берегу всегда близко. Даже если он не виден, знаешь, что он близко или даже чувствуешь его близость по видимым признакам. Здесь все ограничено настоящим временем и красиво с постоянным соблюдением пропорций. Северное небо высоко и по нему все время бегут облака, до южного — рукой подать, а облака по нему либо лениво плывут, либо затевают игру друг с другом. Север учит человека стремиться во все новые и новые дали, а юг, Средиземноморье зовет остаться на нем вечно: там все соблазн, счастливое настоящее.

Нордическая душа устремляется вдаль, и в частности, на юг, но юг для нее — как свеча для мотылька. Разлагающее влияние юга проявляется в том, что исчезает желание куда-либо стремиться».

В другой своей книге «Душа и раса» (1940) Клаусс указывал на то, что представители различных рас по-разному воспринимают цвет, пространство, пластические формы, время, движение. И в то время как представители южных рас живут внешними эффектами, жеманством, игрой, то человек нордической расы живет сутью внутренней энергии, ее постоянным переживанием. «Раса — это форма, а форма живых существ является расовой в той степени, в какой она наследуется... Меняются поколения, но не форма. Только если исходить из души, можно увидеть закономерную связь, соединяющую формы души и тела, две части одного целого. Мы говорим здесь о форме нордического человека действия, потому что действие — это определяющая ценность в его иерархии ценностей; он воспринимает мир как нечто, ему противостоящее, во что он должен вмешаться, чтобы что-нибудь из это сделать. Это его основная родовая позиция, определяющая способ движения. Он не может иначе, потому что его закон душевной формы ему так предписывает. Этот закон — последняя объяснимая инстанция. На вопрос «почему?» ответа нет».

Такова была доминирующая позиция расовых теоретиков первой половины XX столетия. Но современные исследования в области генетики полностью подтверждают их, еще в общем-то эмоциональные и поэтизированные воззрения. Самое комичное же заключается в том, что советская антропологическая школа, в задачи которой входило официально разоблачать «бредовые химеры расизма», самым недвусмысленным образом повторила все основные постулаты классической расовой теории, причем проделала это с таким методическим упорством, о котором в Третьем Рейхе и мечтать не могли.

Просто никто не брал на себя труд изучать советские работы по антропологии и генетике с позиций классической расовой теории. Пресловутая концепция «биологического превосходства нордической расы» под таким ракурсом приобретает академический ореол непогрешимости «передовой советской науки», служащей идеалам «всего прогрессивного человечества».

Как мы показали выше, название базовой категории немецкой расовой философии дал русский ученый, в чем немецкая сторона неоднократно признавалась. Кроме того, в самый разгар идеологического противостояния известная немецкая расовая исследовательница Ильзе Швидецки в своей книге «Расовое учение древних славян» (1938) доказывала, что «западная и восточная ветвь славянства безусловно принадлежат к нордической расе». Польша так же, как и Германия, в описываемый период не входила в число друзей Советского Союза, однако ее ведущие антропологи Ян Чекановский и Кароль Стояновский в своих исследованиях придерживались той же точки зрения на расовую принадлежность славян. Американские специалисты Лотроп Стоддард и Медисон Грант характеризовали население северной и центральной части

России как «континентальных нордигов».

Один из ведущих специалистов Германии в области биохимического анализа расовых признаков Отто Рехе в своих работах добросовестно ссылался на труды советских ученых Б. Н. Вишневого, А. А. Мелких, В. Я. Рубашкина. Будучи членом НСДАП, он, тем не менее, как добросовестный ученый, не считал нужным скрывать, что в основе методики вычисления чистокровных арийцев в Третьем Рейхе лежали «Труды постоянной комиссии по исследованию групп крови» из Харькова, журнал «Врачебное дело», «Новый биохимический расовый указатель» и иные достижения советских ученых.

Немецкие специалисты в области дерматоглифики, то есть методики определения рас и национальностей по отпечаткам пальцев, также базировались на работах советских исследователей П. С. Семеновского и М. В. Волоцкого. Разработчики концепции расовой гигиены в Германии активно печатали Н. К. Кольцова, Ю. А. Филипченко, Б. И. Слоцова. У немецких расовых психологов в большой чести был В. М. Бехтерев, у генетиков — Н. В. Тимофеев-Ресовский и А. С. Серебровский. Известный современный англоязычный писатель Роберт Н. Проктор в своей книге «Расовая гигиена» (1988), ссылаясь на архивные документы, приводит такие любопытные факты. Н. В. Тимофеев-Ресовский был послан в Германию в рамках правительственного соглашения с СССР и стал директором Института генетики при Институте Кайзера Вильгельма в Берлине, позже читал лекции на курсах повышения квалификации офицеров СС, а в 1938 году на открытом собрании партийной элиты, посвященном текущим вопросам расовой политики, выступал с докладом сразу же после начальника Расового департамента НСДАП Вальтера Гросса, но перед главным идеологом Третьего Рейха Альфредом Розенбергом. Комментарии, как говорится, излишни.

Сразу же после победы над Германией в советской научной литературе развернулась целая кампания по корректировке исторической концепции происхождения русского народа на основе новейших данных антропологии и археологии. Еще в 1930 году советский историк Ю. В. Готье в своей книге «Железный век в Восточной Европе» писал: «Размещение славянских племен на левом берегу Днепра уже само по себе наводит на мысль, что проводниками раннего славянского продвижения к востоку и юго-востоку должны были быть северяне». П. Н. Третьяков в книге «Восточно-славянские племена» (1953) наглядно подтвердил эту же мысль. В публикациях того времени явственно ощущался политический заказ: под неусыпным оком «отца народов» доказать, что «старший брат в семье братских советских народов» — русский — потому и является старшим, что имеет сугубо нордическое происхождение. Кинематограф, живопись, ваяние той эпохи дают наглядное тому подтверждение. Запечатленные в произведениях искусства расовые идеалы побежденных плавно

перешли к победителям. Образы и силуэты Езефа Торака и Арно Брокера — ведущих немецких скульпторов — усилиями советских ваятелей нашли свое отражение на Мама-евом кургане в Сталинграде и украсили станции Московского метро, а парадный вход в Библиотеку им. Ленина до сих пор, как две капли воды, похож на фасад Рейхсканцелярии.

О нордическом происхождении славянского мира можно написать еще очень много, привести множество свидетельств, но один единственный факт является самым красноречивым и неоспоримым доказательством этой концепции. Какой еще народ, кроме русского, своим этническим самоназванием дал определение одному из важнейших расовых, и именно нордических, признаков, каковым являются русые волосы?

Авторы Т. И. Алексеева, В. А. Бацевич, О. В. Ясина в статье «Фотоколориметрическое определение цвета волос в различных экстерриториальных группах СССР» (Вопросы антропологии, вып. 84, 1990) отмечают, что цвет волос является одним из «важнейших расово-диагностических признаков», субъективные оценки в определении которого недопустимы. «В волосах светлых, особенно пепельных оттенков, содержание феомеланинов резко понижено. Судя по данным Русской антропологической экспедиции, для русского населения преобладающим оказываются темно-русые волосы, хотя довольно значительна частота среднерусых оттенков. Последние наиболее типичны для представителей северо-западных территорий европейской части СССР, среди которых встречаются и белокурые волосы разных оттенков».

Нордическая теория, таким образом, получает новое биохимическое истолкование, ибо в результате многочисленного количества опытов было доказано, что содержание феомеланинов возрастает по мере увеличения потемнения волос в популяциях, но что еще важнее, выяснилось, что «в темнопигментированных европеоидных группах количество феомеланинов больше, чем в монголоидных». Это говорит о том, что содержание феомеланинов является своего рода универсальным расово-диагностическим маркером, безошибочно указывающим на степень расовой чистоты внутри каждой расы. У представителей расового ядра каждой расы, у которых неповторимые признаки выражены со всей отчетливостью и неповторимостью, содержание феомеланинов меньше, чем на окраине расовой периферии, где степень засорения чужеродными элементами неизбежно повышается.

Изначальный постулат расовой теории о том, что нордическая раса является расовым ядром белой расы, подтверждается здесь же самым замечательным образом:

«Представители южно-европеоидной расы имеют в своем составе больший процент носителей феомеланинов, нежели представители северных европеоидов. Повышенным содержанием феомеланинов характеризуются и представители негроидной расы. В составе южных монголоидов по сравнению с северными частота носителей феомеланинов также будет повышена». Таким образом, процент данного вещества в волосах напрямую связан с процентом чужой, пришедшей крови. Авторы статьи также добавляют: «Варианты красноватых оттенков волос в русском населении очень редки».

А теперь вспомните, что на Руси всегда с недоверием и опаской относились к людям с рыжими волосами, считая их нечистыми на руку, а при Петре I официальным указом им даже было запрещено свидетельствовать в суде. Рыжие также были пришлым, иноземным элементом, что отмечалось коренным расово-чистым населением. Следовательно, русские народные приметы подтверждаются данными современной генетики и биохимии.

И. С. Афанасьева в статье «Сравнительное изучение типов L-полипептидов белков волос у русских и якутов» (Вопросы антропологии, вып. 69, 1982) также подтверждает: «В классификации антропологических типов одними из важнейших признаков являются различные характеристики волос. Форме и цвету волос человека всегда придавалось настолько большое таксономическое значение, что многие ученые даже положили их в основу классификации человеческих рас. Еще в прошлом веке было показано, что расы различаются также по толщине волос, по форме поперечного сечения, величине, густоте и расположению пигментных зерен». В данной работе на основе фактического материала показывается, что европеоиды и монголоиды на примере русских и якутов четко и ясно различаются по содержанию L-полипептидов белков волос, что лишний раз перечеркивает все евразийские концепции о расовом всесмешении.

Не только на основе феомеланинов, но и на основе другого биохимического компонента — тирозиназы — концепция расового ядра вновь подтверждается в пользу нордической теории.

И. С. Афанасьева в своей работе «Современные представления о пигментации человека» (Вопросы антропологии. Вып. 82, 1989) пишет: «Обнаружена наиболее низкая средняя активность тирозиназы в светлых волосах, оттенки которых варьировали от белокурых до золотистых, при этом связи между оттенками и активностью не отмечено. Более высокие значения, то есть активность этого параметра обнаружена в каштановых волосах. Еще выше значения тирозиназы в черных волосах, причем представители основных расовых групп в этом отношении не отличаются».

Содержание тирозиназы, как и феомеланинов, возрастает в каждой расе по направлению от ее чистого биологического ядра к метиской периферии.

Избранность — это не метафора, а генетико-биохимическая данность, исчисляемая по множеству независимых параметров.

На протяжении всей мировой истории мы наблюдаем одну и ту же картину, что внутри каждой большой расы ее биологическое ядро тянет на себе бремя несовершенных помесей.

Мировая история — это не только борьба больших рас, но в еще большей степени — борьба расовых ядер со своей собственной генетической периферией.

Зависть метиса к породе — сюжет в мировой литературе, не имеющий себе подобных по популярности. Моцарт и Сальери — это борьба биотипов, где низший традиционно прибегает к подлости.

Именно поэтому шведский анатом и расолог Гастон Бакман утверждал: «Если мерить цивилизацию не абсолютным количеством творческих личностей, а относительным, то чистокровные народы Севера опередают народы всех других стран Европы».

Немецкий расовый теоретик Рудольф Полланд на основе этой статистики сделал следующий вывод: «Целесообразная поддержка северных расовых элементов нашего населения, несомненно, будет способствовать евгенике психики, ибо это совпадает с поддержкой лиц, одаренных выше среднего и надежных в этическом отношении».

Группы расовых признаков всегда теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом. Соотнесение данных расовой диагностики по одному признаку с результатами, полученными по другому, всегда повышает достоверность общего результата, на что указывал еще И. Е. Деникер.

В своей статье «Схема соотношения пигментации волос и глаз» (Вопросы антропологии. Вып. 80, 1988) А. И. Дубов показывает, что процент содержания такого компонента, как меланин возрастает в ряду цветов глаз: голубые — синие — серые — карие — черные. Цвет глаз в свою очередь статистически взаимосвязан с цветом волос. Так, обладатели белокурых волос в 75% из 100 имеют нордический светлый цвет радужины глаз, и в 25% — смешанный. Те, у кого различные оттенки русских волос, имеют светлую радужину в диапазоне от 30 до 65%. Обладатели черных волос крайне редко имеют глаза светлого оттенка, и в лучшем случае в 20% имеют смешанные оттенки радужины глаз, а в 80% — темные. Кроме того, выявлено, что голубые глаза нордической расы имеют другую структуру.

То же самое справедливо и в отношении цвета кожи. Американский биолог Курт Штерн еще в начале 60-х годов доказал неадаптивность цвета кожи у человеческих рас к условиям внешней среды. Мало того, он утверждал, что цвета кожи человека как биологический феномен объяснимы лишь на основе теории полигенизма, то есть теории множественности очагов расообразования. Этой же точки зрения придерживается и известный негритянский расовый теоретик Ричард А. Голдсби, так что ни о какой пропаганде расизма в данном случае и речи быть не может.

В. К. Василевский, В. И. Семкин, Л. Д. Жеребцов, И. Н. Михайлов в своей коллективной статье «Первичная и вторичная меланиновая пигментация кожного покрова человека» (Вопросы антропологии. Вып. 62, 1980) также считают необходимым подчеркнуть: «Меланиновая пигментация является одним из основных факторов, влияющих на цвет кожного покрова. От нее зависят разнообразные вариации цвета кожи: расовые, возрастные, половые, индивидуальные. Подчеркивается генетическая обусловленность меланиновой пигментации».

Внешние расовые различия самым естественным образом взаимосвязаны с расовыми различиями на биохимическом уровне, и советская антропология вновь подтвердила этот постулат классической расовой теории. Авторы М. Г. Абдушелишвили, В. П. Волков-Дубровин в статье «О соотношении расовых и морфофизиологических признаков» (Вопросы антропологии. Вып. 52, 1976), опираясь на фактический материал, выводят следующую важную мысль в подтверждение нордической концепции: «Наблюдается известная связь цвета кожи с некоторыми физиологическими признаками. У наиболее светлых наблюдается замедленный кровоток и наибольшая минеральная насыщенность костной ткани, а у наиболее темнокожих значительно ниже минерализация скелета и быстрее кровотоки».

Известное определение северных людей как хладнокровных, выдержанных и постоянных означает у них с биологической точки зрения большую минерализацию костных тканей, а взрывоопасный темперамент и непостоянство у южан, напротив, — пониженную. Хорошо известная метафора о северных людях, лучше всего выражающих в своем характере общенациональные черты, — соль земли — также является подтверждением генетической и биохимической основы этой народной мудрости. Люди, более всего закрепившиеся в памяти народной как достижениями во славу отечества, так и психическими чертами, в наибольшей степени отождествляемыми с национальными достоинствами и спецификой, и являются «солью земли» не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Соль земли — это воплощенный образ ядра белой расы, и сугубо нордический характер этого образа вновь очевиден.

Е. В. Тихомирова и Е. И. Хрисанфова в своей статье «К гипотезе о «несколько большей приспособленности» лиц с фенотипом O» (Вопросы антропологии. Вып. 69, 1982) анализируют статистику заболевания людей с различными группами крови вирусными заболеваниями. На основе многочисленных сводок делается вывод о «несколько большей приспособленности лиц с первой группой крови», который подкрепляется уникальным расово-диагностическим наблюдением. «Авторы объясняют и преобладание фенотипа O среди доноров не только его «универсальностью», но и более здоровым контингентом».

Как мы помним, повышение процента носителей первой группы крови стойко наблюдается в условиях концентрации признаков белой расы, то есть когда северный нордический элемент возрастает в населении. Более высокое биологическое здоровье доноров первой группы крови также свидетельствует об их принадлежности к нордической расе — ядру белой расы.

Т. Д. Гладкова и Л. О. Битадзе в работе «Заметка о связи некоторых признаков дерматоглифики с группами крови системы ABO» (Вопросы антропологии. Вып. 69, 1982) анализируют различные не взаимосвязанные группы расовых признаков, такие как цвет кожи, группа крови и отпечатки пальцевых узоров и делают строгое научное умозаключение: «Встречаемость завитков уменьшается от более темных к светлопигментированным популяциям, в то время, как частота петель увеличивается в том же направлении».

Все это означает, что, в каком бы направлении рассмотрения расоразграничительных

признаков мы не двигались, всюду нас будет ожидать один и тот же вывод, сформулированный первыми расовыми теоретиками еще на заре ее возникновения.

Нордическая раса является ядром большой белой расы, в которой все признаки выражены самым ярким и неповторимым образом. Генетико-биохимические отличия представителей нордической расы закономерно проявляются в их психическом и духовном складе, что, в свою очередь, находит отражение в особенностях их религии, культуры, эстетики, общественно-политических институтов, словом, во всей специфике исторического процесса.

Один из ведущих отечественных специалистов по дерматоглифике Г. Л. Хить в своей статье «Окончание линии С у различных расовых групп» (Вопросы антропологии. Вып. 59. 1977) пишет: «Признаки дерматоглифики не имели адаптивного характера на протяжении всей истории формирования монголоидного и европеоидного расовых стволов».

В свою очередь А. А. Зубов и И. М. Золотарева в работе «Монголы в мировой систематике одонтологических типов» (Вопросы антропологии. Вып. 64, 1981) на основе анализа структуры и устройства зубной системы доказывают, что русские, так же как другие средне- и североевропейцы, отличаются от монголов в три с лишним раза. «Центральноазиатский монголоидный расовый тип в одонтологическом отношении обнаруживает довольно существенную вариабельность, причем со значительными отклонениями в сторону «западно-го» комплекса».

Приведением этих двух последних авторитетных заявлений мы лишним раз хотим снять всякие обвинения в расовой нечистоте как в адрес русских, так и в адрес нордической расы вообще. Еще непонятно, на ком в большей степени с генетической точки зрения сказались монголо-татарское иго: на завоеванных или на завоевателях? К сожалению, укоренилась привычка только белую расу обвинять в смешении.

В 1978 году в СССР Научно-исследовательский институт антропологии проводил комплексную программу по изучению сенсорных систем человека в различных этно-территориальных группах. Было установлено, что представители монголоидной расы, равно как и смешанные с монголоидами европейцы, обладают различной пороговой обонятельной и вкусовой чувствительностью. Весьма показательной оказалась чувствительность к горькому вкусу.

Ну, как тут не вспомнить древнерусскую поговорку «Горек хлеб врага». Как выяснилось теперь, эта метафора — пример очень точной генетической памяти народа. Во времена монгольских и тюркских завоеваний расово-чистым европеоидам — русским доводилось вкушать непривычный горький хлеб чу-жой расы, имеющей другую пороговую чувствительность. Видимо, так и роди-лась на свет эта поговорка и закрепились в народном сознании, потому что соблюдение расовой чистоты имманентно самому архетипу. «Горек хлеб врага» — это вкус ненавистного смешения.

Вкусовые различия людей так же не сводимы лишь к ухищрениям наци-ональной кухни, они генетически обусловлены. Все органы чувств без исключе-ний имеют расовую принадлежность. Возьмем работу Е. Р. Сигала, М. И. Потапова «Собственные группы слюны человека» (Вопросы антропологии. Вып. 56, 1977). В ней авторы делают вывод такого рода: «К настоящему времени все известные генетические системы слюны показали свою зависи-мость от расовой принадлежности, но наиболее примечательна в этом отноше-нии система Pв. Ее можно было бы определить как систему, присущую преимущественно негроидам. Существенно отметить также противоположный характер распределения геносистем Pa и Db среди европеоидов и негроидов».

Классические предписания апартеида, запрещающие людям разных рас вместе вкушать пищу, имеют под собой, как теперь выяснилось, не предубеж-дения, а биологическую основу. Люди разных рас имеют различную частоту встречаемости различных генов, и поэтому болеют различными болезнями. Различие в деятельности иммунных систем ведет к тому, что в порыве ложного демократического экстаза человек одной расы через слюну может получить болезнь другой расы, к которой у него нет иммунитета. Эпоха великих географических открытий полна примерами исчезновения целых племен тузе-мцев, соприкоснувшихся впервые с белыми колонизаторами. «Старые морские волки» пили в огромных количествах джин именно в целях дезинфекции, ибо тропические болезни, не опасные для дикарей, также нещадно косили их ряды. Да разве об одной лишь еде речь? Авторы статьи пишут далее: «Расовая дифференциация свойственна сывороточным фракциям крови, лейкоцитам, аномальным гемоглобинам, ферментам, тканям, вы-делениям».

Именно этими фактами и обусловлено возникновение на рубеже XIX и XX веков науки под названием расовая гигиена.

Итак, все вышеперечисленные данные советской академи-ческой науки вновь легко

согласуются с постулатами классической расовой теории, что видно хотя бы из рассуждения Рихарда Вальтера Дарре о свинине и хлебе и их значении в биологическом процессе жизнедеятельности нордической расы. Традиционно русский квас на основе черного хлеба: ну чем это не очередное доказательство природно-нордического происхождения русских?

Советское расоведение, специально созданное коммунистами для профанации, дискредитации и осмеяния идей расовой теории, напротив, самым нетривиальным образом указало интеллектуальной элите, что расовая теория — это наука наук, и концепция нордической расы в ней — это обязательная часть, без которой невозможно постижение смысла мировой истории. Как заметил премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли еще в середине XIX века: «Раса — это все, более нигде нет правды».

Показательна и работа В. Е. Дерябина «Методика статистического меж-группового анализа антропологических данных: рассмотрение смешанного набора признаков» (Вопросы антропологии. Вып. 88, 1995).

Данная работа излагает методику расового анализа, в основе которого лежит одновременное рассмотрение целостного набора признаков, измеренных в шкалах различных систем. Речь таким образом идет о сложном математическом многомерном анализе смешанных признаков. Обобщая многочисленные расовые признаки русских, автор статьи приходит к следующему умозаключению: «Первый и наиболее важный вывод, который здесь можно сделать, заключается в констатации значительного единства русских на всей рассматриваемой территории и невозможности выделить соответствующие региональные типы, четко ограниченные друг от друга».

В вопросе биологического единства нордической расы, в свете русской колонизации Севера, автор столь же однозначен: «Таким образом, существование северного подтипа русских может считаться отражением определенной антропологической общности населения севера и северо-востока Европы, предшествовавшего времени русской колонизации этой территории и послужившего одним из компонентов для формирования современных русских на этой территории».

Данные глобальные выводы вновь и вновь подтверждаются результатами частных биохимических исследований, как, например, в статье О. В. Ирисовой «Полиморфизм

эритроцитарной кислой фосфатазы в различных группах населения Советского Союза» (Вопросы антропологии. Вып. 53, 1976): «Среди населения Европы отмечается относительно широкая дисперсия по трем аллелям: pha, phb, phc. В целом редко встречающийся ген phc служит характерным признаком, маркирующим европеоидные популяции (0,030—0,070). Аллель pha варьирует у европейского населения в пределах 0,268—0,402. У не-гроидных популяций частота pha изменяется в более узких рамках от 0,16 до 0,25. Монголоиды, как и следовало ожидать, имеют самый широкий спектр изменчивости аллелей pha и phb и, тем не менее, у них практически отсутствует ген phc».

Как видим, миф о генетических последствиях монголо-татарского ига в России вновь терпит полный крах, потому, что у русских есть ген phc, а у монголов его практически нет. Евразийство — это очередная уловка для генетически безграмотных людей. Евразийство — это следствие не хаоса крови, а хаоса идей, искусно нагнетаемого с целью заглушения генетически обусловленного архетипа белой расы.

Рассуждая далее, автор данной работы вновь и вновь подтверждает базовый постулат нордической идеи: «Высокая термостабильность фенотипов В и АВ свидетельствует об адаптивной значимости этих вариантов кислой фосфатазы в экстремальных условиях жаркого тропического климата». Это означает, что 3 и 4 группы крови своими параметрами термостабильности наглядно свидетельствуют о своем ненордическом происхождении. Нордическая раса характеризуется, как мы помним, высоким процентом именно 1 и 2 групп крови. Вдали от ядра белой расы, в жарких районах Средиземноморья, и произошло подмешивание 3 и 4 групп крови. У этих метисов жизнеспособность ниже, чем у чистых представителей нордической расы, что как мы отмечали выше, засвидетельствовано статистическими данными станций переливания крови.

В соответствии с вышесказанным мы не рекомендуем к употреблению гастрономические и косметические продукты других рас. Целебными грязями с берегов Мертвого моря, которые рекламирует наше телевидение, следует мазаться семитам, а не русским красавицам.

То же самое касается и ароматических средств. В Вест-Индии во времена ее колонизации существовала поговорка: «Господь Бог любит своего негра и узнает его по запаху». Путешественники древности отмечали, что от китайцев пахнет мускусом, а римский историк IV века Аммиан Марцеллин свидетельствовал, что от евреев пахнет чесноком.

Как видно, нет такого места на теле человека, которое бы не свидетельствовало о врожденных расовых различиях. Из статьи Т. А. Абражевича, В. А. Спицына «Генетический диморфизм ушной серы у якутов и населения прибалтийских республик» (Вопросы антропологии. Вып. 70, 1983) следует, что частота гена *d* в ушной сере у северных европеоидов равна 0,1815, у немцев — 0,176, у якутов — 0,8939, у китайцев — 0,979, а у негров — 0,069.

Аналогичная картина наблюдается и с геном *w*, ибо у китайцев его частота равна 0,021, у немцев — 0,824, а у негров — 0,931. Так что подставлять свои уши под сплетни других рас тоже вредно и не гигиенично. Слушать нужно только своих.

Кроме того, генетически обусловленные биохимические различия рас влияют также на восприятие окружающего мира, на выработку эстетического вкуса, на философские идеи и религиозные предпочтения.

А. С. Вагина в своей прекрасной статье «Об особенностях отношения к цвету некоторых этнических групп» (Вопросы антропологии. Вып. 84, 1990) пишет: «Любая популяция, любая этнокультурная общность говорят на своем цветовом языке с определенным набором «звуков» и их сочетаний. Мы воспринимаем этот язык не только в отточенных цветовых символах, но улавливаем его по общему цветовому «полю» народной материальной культуры. Большая часть цвета в традиционной культуре очевидна. Цвет костюма также тесно связан с внешним обликом человека, так как он обычно согласует цвет своего платья с цветом кожи, волос и глаз. У людей северной расы предпочтение черного, синего, а также голубого (холодных цветов коротково-лнговой части спектра) не случайно, ибо они значительно уменьшают и облегчают плотность объема».

Здесь все вновь точно так же объясняется с биологической точки зрения, ибо И. С. Афанасьева в статье «Современные представления о пигментации человека» (Вопросы антропологии. Вып. 82, 1989) дает обобщение международной научной информации, из которой явствует, что глаза европеоидов и негроидов различаются по структуре, а голубые глаза отличаются особым эффектом Тиндала. Нордический человек в прямом смысле этого слова видит мир по-другому.

Еще Иммануил Кант в своей «Аналитике прекрасного» отметил, что «прекрасное

познается без посредства понятия». Фриц Ленц указывал: «Уже будучи детьми, мы отличаем красивых людей от безобразных, — задолго до того, как приобретаем опыт таких вещей или с помощью сравнения образуем эстетическое чувство. Такие различения мы делаем инстинктивно, поскольку носим образ нашей расы в самих себе».

Современные исследования в области биологии эстетики доказали, что каждая раса имеет свои, генетически обусловленные представления о Хаосе и Порядке. Конрад Лоренц назвал это «врожденными моделями», а Иренеус Эйбл-Эйбесфельдт в книге «Биологические основы эстетики» пишет: «Стиль — это способ кодировать сообщаемую информацию в художественной форме». Именно поэтому произведения искусства различных рас отличаются по стилю, ибо стиль на биологическом уровне выполняет функцию определения «свой-чужой». Произведения современного массового искусства специально моделируются на основе отсутствия этого биопароля. Стиль в сжатой кодифицированной форме выражает генетический опыт расы. И. Эйбл-Эйбесфельдт делает на этой основе правомерный вывод: «Внушаемость, готовность к усвоению взглядов и к принятию групповых ценностей присущи человеку в очень высокой степени. Это они вымостили путь к расовому отбору».

Кроме того, он приводит любопытные данные лабораторных опытов. Оказалось, что в комнатах, окрашенных в красно-оранжевые тона, испытуемые оценивали температуру на 3-4 °С выше, чем в комнатах сине-зеленых тонов. «Теплые» тона возбуждают симпатическую нервную систему, отчего учащается пульс и повышается кровяное давление. «Спокойные» тона, которые неспроста называют еще и холодными, принадлежат к коротковолновой части спектра.

Таким образом, люди нордической расы предпочитают холодные тона, которые соответствуют их системе кровоснабжения, то есть их хладнокровию, вновь не в переносном, а именно в прямом смысле. Голубые глаза — это индикатор оптимальных биоэнергетических процессов в организме северного человека. То же самое справедливо и в отношении музыки и танца, ибо их ритмика полностью опирается на дробную структуру расового архетипа. Белая раса создала симфоническую гармоническую музыку, а черная раса изобрела джаз и рэп с их нагромождением синкоп. Характерно в этом отношении русское ладовое песнопение, где лад выступает, как генетическая единица гармонии, что вновь подтверждает нордические истоки русского народного искусства.

Ганс Ф. К. Гюнтер в своей великолепной книге «Раса и стиль» (1927) писал: «Нет драматургии на семитских языках, а музыку арабы заимствовали у персов».

Позднее Генрих Цоллингер в своей работе «Биологические аспекты цвето-вой лексики» утверждал: «В лингвистике цветовых понятий существует расовая гипотеза, согласно которой люди с разным цветом кожи могут видеть, а потому и называть цвета по-разному, потому что различиями в пигментации затронут сам глаз». Ганс Ф. К. Гюнтер, перефразируя слова Гете, отмечал, что нордическая раса создана для того, чтобы всматриваться, а восточная, чтобы созерцать. К цвету, а следовательно, и к структуре глаз это имеет самое непосредственное отношение.

Различия касаются также восприятия времени и пластических форм, что лучше всего видно в системах хронологического летоисчисления различных рас и в преобладании тех или иных геометрических форм в их жилище, на что указывал еще Освальд Шпенглер. Современные исследователи Фредерик Тернер и Эрнст Пеппель обнаружили наличие расовых признаков в организации стихотворных форм и ритмов, которые призваны работать на частоте, синхронной с тактовой частотой работы мозга. Тактовые частоты интеллектуальных биопроцессоров у различных рас также сильно отличаются, соответственно этому организация процессов обучения и работы с виртуальной информацией должны быть пересмотрены в духе расовой теории.

Совершенно неверно поэтому потный грязный цыганский табор с его азиатскими песнями и плясками считать символом русской культуры. Точно также «Квадрат» Казимира Малевича — дорожный знак, а не картина, по меткому определению Ильи Сергеевича Глазунова, — явно восходит к истокам не русского эстетического мировосприятия. Известный немецкий расовый теоретик Пауль Шульце-Наумбург в своей прекрасной книге «Искусство и раса» (1935) основную мысль выразил простыми и доходчивыми словами: «Какова сама раса, таково и ее искусство».

Современная наука — антропозстетика — занимается именно изучением расовых и этнических канонов человеческой красоты. Насаждение инорасовых антропозстетических канонов средствами телевидения и массовой поп-культуры ничего, кроме вреда, дать не может.

Людвиг Фердинанд Клаусс в книге «Нордическая душа» (1939) писал: «Если человек отказывается от своего врожденного стиля, он не обретает другой, а искажает собственный. Душа, которая живет не в согласии со своими законами, ведет двойную жизнь: она оказывается между своим собственным и чужим законами и в тайне чувствует себя неполноценной и перед тем, и перед другим. Если все время

воспринимать чужое, это приведет к разрушению собственной сущности».

Иосиф Егорович Деникер еще сто лет назад писал: «У некоторых народностей мышцы лица выполняют такие движения, подражать которым было бы весьма трудно для чужеземцев, как например выдвигание вперед одной только верхней губы, выполняемое малайцами с изяществом и легкостью, которые сделали бы честь любому шимпанзе».

Современные конкурсы красоты для разноплеменных девиц производят впечатление легализованного бандитского невольничьего базара, организованного по принципу «генетического общака», где в качестве жюри всегда выступают похотливые ублюдочные метисы. Это осквернение расы, ибо раса - это высшая ценность, которой мы обладаем.

Ганс Ф. К. Гюнтер так описывал сакральные глубины северного человека, обусловленные его расово-биологической уникальностью: «Если поведение восточных людей характеризуется склонностью к позе, то поведение людей нордической расы отличается сдержанностью, которая людьми не-нордической расы воспринимается как чопорность. Нордический человек не станет проповедником. Его вера слишком уединенна, сдержанна, молчалива и проникнута благоговением. Проповеднику свойственно влезать в чужую душу, соби-рать вокруг себя учеников, переднеазиатский «пафос общины» — проти-воположность нордическому «пафосу дистанции», воспетому Ницше. Проповедь среди «неверующих», идея «мировой религии», «идите и научите все народы» — все это проявления переднеазиатской души, чуждые нордическому духу».

Подобные же мысли читаем у Людвиг Фердинанда Клаусса: «Если нордический человек религиозен, то он религиозен в своем стиле: он не любит раздеваться перед толпой и не ходит молиться на базар».

Итак, весь духовный мир, все особенности психологии людей нордической расы обуславливаются исключительно и единственно их биохимической уникальностью, передающейся генетическим путем из поколения в поколение.

После официальной расологии Третьего Рейха советскую периодику, вроде журналов «Вопросы антропологии», «Советская этнография», «Генетика» и множество других,

можно читать как дополнительную литературу, нужно лишь сменить критерий оценки с интернационального на нордический, и тогда все само собою встанет на свои места.

Созданная опровергать классическую расовую теорию, советская антропология, сама того не ведая, подхватила знамя у поверженной немецкой школы и двинулась в том же победном направлении, имя которому — биологический детерминизм.

Немецкие расологи были в основной своей массе добропорядочными католиками или протестантами и потому понимали расу как единство переживания, общность стиля, единение в судьбе. А один из ведущих советских антропологов В.П. Алексеев определил, что «родство — это биохимическое понятие». Столь резкая постановка проблемы шокировала бы даже главного идеолога Третьего Рейха Альфреда Розенберга.

Теперь можно смело утверждать, что дело немецкой расовой теории не пропало даром. Великая идея нордической расы все сильнее дает себя знать в современной России.

Наконец, справедливости ради нужно также отметить, что немецкие расовые теоретики никогда не стеснялись ссылаться на своих советских коллег, поэтому автор данного эссе просто продолжает добрую традицию академической вежливости, с русской стороны отвечая любезностью на любезность, ведь в «странах современной демократии» сделано то, что не удалось в свое время сделать Гитлеру, а именно: добросовестно цитировать русских расовых теоретиков. Если мы возьмем центральную работу Фрица Ленца «Учение о человеческой наследственности» (1932), то обнаружим 34 ссылки на советские научные труды при общем числе цитируемых авторов — 22. Книга считалась канонической в вопросах расовой гигиены, но никаких проблем у автора со стороны «компетентных органов» из-за увлечения наукой идеологических противников не возникало.

Никаких проблем не возникло и после 1945 года, на сей раз со стороны оккупационных властей. Ни один крупный расовый теоретик Третьего Рейха не проходил ни по одному политическому процессу о преступлениях нацизма. Мало того, все они сохранили свои кафедры в университетах, где и преподавали до конца жизни. Достоверность этих данных можно почерпнуть из книг известных писателей-антифашистов, специализировавшихся на теме расовой теории Третьего Рейха — Роберта Н. Проктора и Стефана Кюля.

Нордическая идея чиста, и это признано Нюрнбергским процессом. Не обвиняет же никто советскую космонавтику в связи со сталинскими репрессиями или гонкой вооружений. А. Д. Сахаров до того, как стать демократом, придумал атомную бомбу, и ничего, в его честь в Израиле назван парк. Кстати, в том же Израиле в Музее памяти жертв холокоста установлена стелла в честь немецкого расового теоретика Людвига Фердинанда Клаусса «за спасение евреев с риском для собственной жизни».

В переведенной на многие языки мира книге «Расовые элементы европейской истории», которую Ганс Ф. К. Гюнтер написал уже после войны, есть глава «Нордический идеал». Это расово-политическое завещание одного из признанных лидеров нордического движения, которым хочется закончить эссе:

«Вопрос не в том, в какой мере нордическими являемся мы, ныне живущие люди, а в том, хватит ли у нас храбрости, чтобы подготовить мир для будущих поколений, очистив себя в расовом и евгеническом отношении. Денордизация индоевропейских народов всегда длится столетиями; воля людей с нордическим мышлением должна перекинуть мост через столетия. Когда речь идет об отборе, нужно учитывать множество поколений, и современные люди с нордическим мышлением могут ожидать на протяжении своей жизни лишь одну награду за свои труды: сознание собственной смелости. Расовая теория и исследования в области наследственности придают силу новой аристократии и молодежи, которая, стремясь к высоким целям, как Фауст, следует призывам из сфер, выходящих за пределы индивидуальной жизни.

Поскольку это движение не стремится к выгодам, оно всегда будет движением меньшинства. Но дух любой эпохи всегда формируется только меньшинством, в том числе и дух той эпохи масс, в которую мы живем».